СТАЛИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВИКТОР ЧЕРНОВ
БОРИС САВИНКОВ
АНДРЕЙ АРГУНОВ

МЕЖДУ БЕЛЫМИ И КРАСНЫМИ

ЭСЕРЫ В РЕВОЛЮЦИИ

«Как эсеры лавировали между красными и белыми и попытались превратить Гражданскую войну в отечественную»

Виктор Михайлович Чернов
Борис Викторович Савинков
Андрей Александрович Аргунов
Сергей Вадимович Чертопруд

Эсеры между белыми и красными

Серия «Сталинская библиотека»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74685761
Эсеры между белыми и красными:
ISBN 978-5-00269-201-9

Аннотация

Говоря о Гражданской войне в России (осень 1917 года-осень-весна 1922-1923 годов), мы чаще всего вспоминаем «красных» и «белых». Между тем существовали и другие политические силы, сыгравшие значительную роль в событиях тех лет. Прежде всего, речь идет об эсерах. У них были все шансы одержать верх: богатый опыт революционной борьбы, глубокие народные корни, притягательная для значительной части населения программа, многомиллионная партия… Однако победить в вооруженном противостоянии за власть в России эсерам не удалось. Почему – пытаются разобраться авторы воспоминаний,

лидеры и активные члены партии социалистов-революционеров, ставшие очевидцами и участниками Октябрьской революции и последующих драматичных событий.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Виктор Михайлович Чернов 6
Глава двадцать первая 12
Глава двадцать вторая 38
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Сергей Вадимович Чертопруд
Эсеры между белыми и красными

© Чертопруд С. В., автор-сост., 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Виктор Михайлович Чернов «Перед бурей. Воспоминания» (фрагмент)

Виктор Михайлович Чернов

Русский политический деятель, лидер и теоретик Партии социалистов-революционеров (эсеров) Виктор Михайлович Чернов родился 1 декабря (19 ноября по старому стилю) 1873 года в городе Камышине (ныне Волгоградской области) (по другим данным, 21 ноября (9 ноября по старому стилю) 1873 года в городе Новоузенск Самарской губернии).

Его отец происходил из крестьян, родители сумели дать ему образование. Он дослужился до чина коллежского советника и получил орден Святого Владимира, что дало ему право на личное дворянство. Мать Виктора Чернова происходила из обедневшей дворянской семьи и умерла, когда ему исполнился год.

С 1883 года Виктор учился в Саратовской гимназии, где познакомился с бывшими членами народнических организаций «Земля и воля» и «Народная воля», участвовал в работе революционных кружков. В 1890 году он был исключен из гимназии – оказался в квартире народовольца Анатолия Сазонова в момент его ареста.

Осенью 1891 года был переведен для продолжения учебы в гимназию в Дерпт (ныне Тарту, Эстония).

После окончании гимназии в 1892 году Чернов поступил на юридический факультет Московского университета, где активно участвовал в студенческом движении, стал одним из организаторов Всероссийского съезда студентов.

В апреле 1894 года он был арестован и содержался в за-

ключении (в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения) по делу организации «Народное право». Дознание не обнаружило улик, доказывающих его принадлежность к организации, и в январе 1895 года Чернов был выпущен под залог.

В ноябре 1895 года он был выслан в Саратовскую губернию, в Камышин, но сумел под предлогом лечения зрения добиться перевода в Саратов. Сотрудничал в газетах, работал в местном земстве. Позже по требованию полиции переехал в Тамбов.

В январе 1898 года Чернов вступил в брак с Анастасией Слетовой, учительницей воскресной школы. Вел занятия по политэкономии в рабочем кружке, в селе Павлодар Борисоглебского уезда создал первую революционную крестьянскую организацию «Братство для защиты народных прав».

В мае 1899 года, находясь в розыске в связи с обнаружением в Тамбове тайной типографии, уехал с женой за границу. Черновы жили в Швейцарии и во Франции.

В декабре 1901 года Виктор Чернов вошел в созданную Григорием Гершуни и Евно Азефом Партию социалистов-революционеров (ПСР) и в редакцию ее газеты «Революционная Россия». Публикуя статьи и выступая с лекциями в различных европейских городах, он сформулировал и обосновал программные и тактические принципы ПСР, написал несколько вариантов партийной программы, стал ее главным идеологом.

В 1904 году представлял ПСР на Амстердамском конгрессе II Интернационала.

После объявления политической амнистии в 1905 году Чернов вернулся в Россию и принял участие в Первой русской революции (1905–1907). Находился на нелегальном положении. Принял участие в издании легальной газеты эсеров «Сын отечества». В декабре 1905 года – январе 1906 года на I съезде ПСР был основным докладчиком, автором проектов резолюций и программы ПСР, принятой съездом.

В 1908 году эмигрировал из России, жил в Париже, на острове Капри. В 1909 году авторитет Чернова был подорван разоблачением Азефа, которого Чернов защищал, не зная о его роли провокатора. Вместе с другими членами ЦК ушел в отставку, избран в редакцию газеты «Знамя труда». В 1911 году вышел из редакции и Заграничной редакции ПСР.

С 1912 года по 1913 год выпускал журнал «Заветы», сосредоточившись на публицистике и научных занятиях.

Вернувшись в Россию в апреле 1917 года, Чернов был избран в Бюро Исполкома Петроградского совета, Совет ПСР, редакцию центрального органа ПСР «Дело народа». Был избран членом Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов. В июне 1917 года на III съезде ПСР избран в ЦК.

В мае – августе 1917 года Чернов занимал пост министра земледелия Временного правительства.

После Октябрьской революции 1917 года 18 января (5 ян-

варя по старому стилю) 1918 года он был избран председателем Учредительного собрания, летом-осенью 1918 года участвовал в работе Комитета членов Учредительного собрания.

После роспуска Учредительного собрания большевиками эсеры решили добиваться его восстановления путем вооруженной борьбы. Пожив некоторое время в Москве на нелегальном положении, Чернов к сентябрю 1918 года добрался до Самары, где был создан Комитет членов Учредительного собрания (Комуч). После прекращения деятельности Комуча и Директории Чернов вместе со всем эсеровским ЦК перебрался в Екатеринбург.

После переворота в ноябре 1918 года он был арестован белыми, но благодаря офицерам Чехословацкого корпуса освобожден. Полулегально действовал на территории РСФСР.

20 сентября 1920 года Чернов эмигрировал из России. Жил в Эстонии, Германии, Франции, предпринимал длительные поездки в Америку и Азию. Издавал журнал «Революционная Россия» [1].

Умер 15 апреля 1952 года в Нью-Йорке.

---

[1] Биография Виктора Михайловича Чернова // https://ria.ru/20170515/1492507818.html?ysclid=mgktb6u5s5413586962.

Глава двадцать первая

Разнобой в ПСР. – «Правые», «левые» и «левый центр». – А. Ф. Керенский. – Уход кадетских министров и заговор Корнилова. – Демократическое Совещание. – Октябрь. – Четвертый съезд ПСР. – Откол «левых с. р-ов», – Всероссийский съезд крестьянских депутатов. – Петроградский Совет и Собрание уполномоченных от фабрик и заводов.

По мере развертывания событий изначальный разнобой в Центральном Комитете ПСР становился всё отчетливее. Из прежнего эклектически-компромиссного центра выделился левый центр, вынесший из опыта шести месяцев революции заключение, что коалиция центральных партий трудовой демократии – с. р. и с. д. меньшевиков – с партией либеральной буржуазии далее немыслима без окончательной дискредитации их в массах и без перехода их влияния на народ к большевикам.

С точки зрения левого центра, развивавшейся мною и моими политическими друзьями, русская революция в качестве революции общенациональной имела одно чрезвычайно уязвимое место: это – отсутствие в России устойчивой и зрелой либеральной буржуазии.

Наступление революции в России было катастрофой для всех откровенно правых партий. У них исчезло даже всякое мужество поднять свое знамя. Партия кадетов из самой ле-

вой легальной партии неожиданно для себя превратилась, благодаря исчезновению старых правых, в самую правую легальную партию. Но тем самым она естественно сделалась складочным местом для всего, что было когда-то правее ее. Партия к. д. не заметила, не осознала или намеренно закрыла глаза на это затопление ее рядов справа и теперь несла все его последствия, т. е. всё более резкий отрыв от революционной демократии.

Были и еще две причины, по которым с к. д. партией коалиция стала немыслимой. Россия была при старом режиме «темницею народов», и революция разбудила ее узников – т. н. «негосударственные национальности». Или законные права этих национальностей революцией будут признаны, и тогда Россия станет преобразовываться в свободный федеративный союз равных народов; или этого не будет, и тогда у «негосударственных национальностей» не будет иного выхода, кроме сепаратизма. К.д. партия, со времен самодержавия привыкшая себя чувствовать и мыслить как «государственная», глубоко централистическая партия, не могла не бороться изо всех сил против всякого шага по пути к децентрализации России, производимой по национальному признаку. Для нее это было ослаблением государственного единства. Надо было выбрать: или союз с ищущими своей эмансипации «негосударственными» национальностями, и тогда разрыв с к. д. партией; или сохранение коалиции с к. д. партией, и тогда – отчуждение и вражда с украинцами, бело-

русами, национальностями прибалтийского края, Кавказа, Башкирии, Туркестана и т. д.

К.д. партия при самодержавии использовала все неудачи царской внешней политики и играла на струнах уязвленного патриотизма, постепенно перестраиваясь из либерально-пацифистской партии в партию национально-либеральную, пактирующую с империализмом и этим приобретающую симпатии в кругах плутократии, бюрократии и дворянства. Это наследие прошлого висело тяжелою гирею на ее ногах, враждебно сталкивая ее с новыми началами внешней политики русской революции – теми самыми началами, которые в бесконечно ослабленном виде провозглашались президентом Вильсоном. Рассчитывая, незадолго до революции, на дворцовый переворот, партия к. д. связала себя со старым командным составом царского режима, не понимавшим необходимости радикальной демократизации армии и поэтому всё более отчуждавшимся от революционизированной солдатской массы.

Это создавало глубокое отчуждение и антагонизм между кадетской партией и советской демократией. Сохранение их коалиции в правительстве вело лишь к их взаимной нейтрализации, т. е. к параличу творческой деятельности правительства. Невозможность же никак не откликнуться на неотложные вопросы жизни вела к постоянным конфликтам внутри правительства, к министерским кризисам, перестройкам в его личном составе, после чего опять начиналась

всё та же «сказка про белого бычка», создавая впечатление неустойчивости, неавторитетности власти и никчемности ее существования.

С этой точки зрения, необходимо было признать коалиционную власть пережитым этапом революции и перейти к более однородной власти, с твердой крестьянско-рабочей, федералистической и пацифистской программой; в противном случае историческая изжитость коалиционной власти должна была, с этой точки зрения, привести к широкой непопулярности и ослаблению Временного правительства, а вслед за этим – к опасным для судеб новой России покушениям на него справа и слева – военно-монархических заговорщиков и анархо-большевистских демагогов, для утверждения или милитаристической, или социально-погромной диктатуры.

Левоцентровая группа Ц. К. когда-то, в начале революции, разделяла общераспространенное тогда увлечение личностью А. Ф. Керенского – единственного человека в составе первого Временного правительства, который шел навстречу революции не упираясь, а с подлинным подъемом, энергией и искренним, хотя и несколько истерически ходульным пафосом.

Но чем дальше развивались события, тем больше в ее рядах происходила переоценка его личности. В конце концов, роль его стала сводиться к балансированию между правым, национал-либеральным, и левым, социалистическим, крылом правительства. Нейтрализуя то первое – вторым, то вто-

рое – первым, Керенский, казалось, видел свою миссию в этой «надпартийной» роли, резервируя себе роль суперарбитра и делая себя «незаменимым» в качестве центральной оси власти. Казалось, что его более всего удовлетворяет именно такое состояние правительства и что он старается даже усугубить его, последовательно удаляя из состава кабинета, одну за другою, все крупные и красочные партийные фигуры и заменяя их всё более второстепенными, несамостоятельными и безличными. Тем самым создавалась опасность «личного режима», подверженного случайности и даже капризам персонального умонастроения.

В это время произошло катастрофическое событие, в котором левый центр мог усмотреть первую иллюстрацию правильности его прогноза опасностей, грозящих революции и революционной власти от сохранения коалиционной формы правительства и соответствующей этой форме программы или – точнее – беспрограммности. Это был знаменитый «Корниловский заговор» и последовавшее за ним восстание ставки против Временного правительства.

Ликвидация Корниловского восстания произошла в условиях, внесших громадное смущение в ряды трудовой демократии. Керенский взял на себя инициативу объявления верховного главнокомандующего армией – мятежником, а управляющий военным министерством его кабинета, Савинков, грозил, что с Корниловым будет поступлено «как с изменником».

Но правительство в самый момент конфликта распалось вследствие выхода из него сочувствующих Корнилову членов-кадетов; что же касается остальных министров, то Керенский просил всех их подать прошения об отставке, чтобы дать ему полную свободу для наилучшей реконструкции всего кабинета. Таким образом, в момент конфликта существовала лишь единоличная власть министра-президента, фактическая персональная диктатура. Но это была диктатура на холостом ходу, и ее носитель, Керенский, в это время менее всего управлял событиями и страной. Впоследствии, в своих работах полумемуарного характера, он сам рассказывал о том, как большинству людей, с которыми ему приходилось иметь дело, он представлялся человеком обреченным, как один за другим его покидали люди, в близость которых он верил, и как настал даже такой момент, что он в Зимнем дворце ощутил вокруг себя почти полную пустоту и переживал страшные часы покинутости и одиночества.

Таким образом, не правительством, которое распылилось, и не персонально Керенским была ведена борьба и произведена ликвидация мятежа. Мятеж был подавлен частью – армейскими комитетами, арестовывавшими солидарных с мятежом командиров, частью – советскими, партийными и национально-революционными организациями, распропагандировавшими ударные отряды, двинутые Корниловым на Петроград. Это было сделано без большого труда, ввиду единодушного массового настроения, возбужденного повсюду

известием о готовящемся перевороте в пользу единоличной военной диктатуры.

* * *

Кризис власти в связи с Корниловским восстанием вновь поставил перед Ц. К. нашей партии вопрос об отношении к самой идее правительственной коалиции с цензовыми элементами.

Одна группа в Ц. К., во главе с автором этих строк, устанавливала прежде всего, что кадетская партия, как целое, несомненно была на стороне Корнилова во время мятежа и потому никоим образом не может быть представлена в правительстве, защищающем демократическую революцию. Тяга к военной диктатуре у к. д. партии не случайна. Она – продукт общей эволюции этой партии и тесно связана с ее позицией в аграрном, рабочем, национальном и военном вопросах. Возвращение кадетов в правительство сделает его неустойчивым и поразит его бесплодием. Во всех основных вопросах государственной жизни – об аграрной реформе, о защите прав рабочего на стабилизированную реальную заработную плату и на контролирующее участие в управлении производственным процессом, о децентрализации и правах национальностей, о демократическом мире – министры кадеты занимают позицию, противоположную министрам-социалистам. Ни те, ни другие недостаточно сильны, чтобы до-

ставить торжество своей политике, но достаточно сильны, чтобы помешать противникам проводить их политику.

В результате власть оказывается стерильной. Она не способна ни на один решительный шаг, ибо, сделав его в том или другом духе, она вызывает правительственный кризис и демонстративный уход в отставку или той, или другой стороны.

Лидеры правых и правоцентровых настроений в нашем Ц. К., напротив того, доказывали, что нельзя всю партию кадетов обвинять в соучастии с корниловцами; что в ней есть элементы, свободные от всякой связи с ними: что в кадетской среде есть чрезвычайно большое количество квалифицированных общественных деятелей с большим опытом практической земско-городской и государственной работы; что нельзя с легким сердцем ставить крест на них и этим отбрасывать от революции разные промежуточные элементы, в чьих глазах работа оппозиционного «прогрессивного блока» Государственной думы и роль думских элементов в начале революции окружают известным ореолом имена людей, поскользнувшихся на корниловском движении.

Кадетская партия – всё же самая левая из буржуазных группировок. Правда, она увлеклась чисто партийной враждой к сменившим ее в правительстве представителям рабочего и социалистического движения. Но есть опасность, что ультимативный отказ ей в допущении в состав правительства будет понят как отказ от сотрудничества со всею несоциали-

стической Россией. Другое дело, если бы, например, удалось привлечь в состав кабинета некоторых крупных, прогрессивно настроенных деятелей торгово-промышленного мира или некоторых кадетски мыслящих людей не в качестве представителей партии, а персонально. Словом, представители этого крыла Ц. К., идя на уступки, подчеркивали, что согласны не настаивать на образовании правительства по соглашению с кадетской партией, а лишь на сохранении коалиции также и с «цензовыми» элементами русской общественности.

Обсуждение кончилось компромиссом, в котором нашли свое отражение преобладавшие в Ц. К. правоцентровые настроения. В принципе, было принято:

1) Продолжение коалиции с цензовыми элементами, но при непременном условии твердой внешней политики в духе русской революции и ликвидации безответственности власти;

2) Временное правительство впредь до созыва Учредительного собрания должно быть ответственным перед некоторым временным органом (предпарламентом), который должен быть создан из представителей организованных сил страны, причем цензовым элементам в этом органе может быть отведено лишь меньшинство мест

и 3) созыв Учредительного собрания не должен быть более откладываем.

Первое из этих предложений было принято 10-ю голосами против 2, второе – 8-ю против 1 при двух воздержавшихся,

и 3-е – единогласно. Единогласно же было решено придать третьему требованию ультимативный характер.

Главною причиной затяжки с Учредительным собранием было то, что к. д. партия ультимативно настаивала на соблюдении всех формальностей процедуры по организации выборов. В особенности требовала она, чтобы списки избирателей были составлены не какими-нибудь «самочинными органами народной власти», возникшими на местах, но правильно избранными новыми демократическими органами самоуправления. Было бы трудно отвергать – да никто и не отвергал, – что именно такие органы были бы самыми подходящими для нормальной организации выборной процедуры в национальное законодательное собрание. Но беда была в том, что время то переживалось самое ненормальное, а требуемая придирчивыми законниками безупречная процедура оказывалась слишком громоздкою и потому необходимо отстающею от лихорадочного темпа жизни страны.

Для придания власти большей устойчивости, отсутствие которой так болезненно сказалось во время Корниловского восстания, решено было – впредь до созыва Учредительного собрания – создать в конце сентября широкое полупредставительное учреждение, своеобразный «предпарламент» или Демократическое Совещание.

Демократическое Совещание составом своим не оправдало надежд правоцентровой группы ПСР. Ход общих прений показал, что коалиционистские настроения сильно ослабе-

ли не только в советах. Из среды различных составных частей совещания подавались многочисленные проекты резолюций, общий дух которых был таков, что правоцентровая с. р. резолюция вряд ли могла рассчитывать получить приоритет и быть положена в основу решения Совещания.

Делу не помогло и появление Керенского, который заявил, что сегодня же передаст в руки Совещания тяжелое бремя власти, если Совещание не приемлет принципа коалиции, отвержение которой Керенский считает гибельным и без которой он никакого участия в правительстве не примет; Керенский пожал бурные аплодисменты приблизительно половины собрания. Он смягчил недовольство другой половины, заявив, что ему инкриминируют восстановление смертной казни на фронте, но он до сих пор не утвердил ни одного вынесенного армейскими судами смертного приговора.

Немедленно после произнесения этой речи Керенский удалился и не принимал более никакого участия в заседаниях.

Демократическое Совещание, хотя и слабым большинством, высказалось «в принципе» за коалицию. Но Демократическое Совещание осталось без всякого решения того основного вопроса, ради которого было собрано.

Эсеровская делегация в Демократическом Совещании постепенно, шаг за шагом, делала уступки не только из начертанной программы и не только по вопросу о пропорциональном соотношении в «Предпарламенте» цензовиков и рево-

люционной демократии, но даже из самого принципа ответственности власти перед будущим предпарламентом. В итоге всей этой компромиссной работы «Предпарламент» остался лишь в качестве совещательного учреждения, чем-то вроде Земских соборов при самодержавии (по формуле «правительству – сила власти, земле – сила мнения»). Он даже не получил права запросов. Цензовики получили в нем представительство, сильно повышенное с тем, какое им было потом дано – выборами на основе всеобщего избирательного права. Правительство опубликовало, как свою, платформу, выработанную Демократическим Совещанием, но после ретушировки, которая делала ее шагом назад сравнительно с платформами, уже публиковавшимися во всеобщее сведение от имени предыдущих составов Временного правительства.

В заседании Ц. К. ПСР 17-го сентября, очень немноголюдном, из 7 человек, был заслушан формальный протест Веденяпина против действий Авксентьева и Гоца, нарушивших свои обязанности по отношению к Ц. К. По их требованию было созвано экстренное собрание Ц. К. по вопросу о том, какую общеполитическую резолюцию об организации власти проводить на заседании с. р. фракции Демократического Совещания. Но когда Ц. К. экстренно собрался, то оказалось, что Гоц и Авксентьев сами на него не явились, но направились прямо на заседание фракции и там голосовали за резолюцию, требовавшую образования коалиционного пра-

вительства на основе сговора с к. д. партией.

В момент, когда партии грозил откол левого крыла и когда левый центр решительно выступил против будущих сецессионистов, центральное ядро Ц. К. распалось.

Когда лидер правого центра, Авксентьев, открыто выступил с защитой позиций крайне правого крыла партии, с защитой коалиции во что бы то ни стало, сам голосовал и других приглашал голосовать за нее, то, несмотря на происшедшее при этом формальное нарушение дисциплины Ц. К., существенно ничего не менялось. В Февральской революции Авксентьев и его друзья не почуяли присущей народному движению грандиозной силы отталкивания от всего старого; они приветствовали эту революцию как «малую революцию», по мотивам своим чисто патриотическую и общенациональную, сделанную скрепя сердце во время войны, чтобы избавиться от неспособной, насквозь прогнившей власти, фатально ведущей страну к поражению; как революцию во имя более успешного ведения и победоносного завершения войны союзом всех освобожденных «живых сил» страны.

Ни для кого не было тайной, что Авксентьев пошел в ногу с партийным центром лишь скрепя сердце, когда на 3-м съезде коалиционное правительство трактовалось как положение переходное, впредь до дальнейшего изменения соотношения сил в стране в пользу социалистов. Но открытое присоединение к нему Гоца, коренного «центровика», лидера эсеровской фракции в Совете, было партийной сенсацией.

Основным помощником Гоца в деле аппаратной обработки партии был В. М. Зензинов – типичный образец «делового министра», как его когда-то прозвали в кругу близких людей. Чрезвычайно усидчивый, настойчивый и уравновешенный, умеющий терпеливо «бить в одну точку», он органически отдалялся от всего, что отдавало «крайностью», и столь же органически тяготел к какой-то неопределенной «золотой середине». Педантизм смягчался в нем воспитанностью, выдержкой, хорошими манерами и подчеркнутой, изысканной корректностью.

Он происходил из хорошей, культурной, крупноторговой среды и в общении с людьми буржуазных партий производил впечатление почти своего и, во всяком случае, не вносящего диссонанса человека comme il faut, достойного всякого уважения. У него не было никаких возмущающих течение его общественной работы сильных индивидуальных страстей, и он пользовался поэтому репутацией безупречности, политической выдержанности и преданности партии. Это был блестящий образец – большого человека на малые дела. В деле непосредственного руководства партийным аппаратом он был незаменим и неподражаем.

Заслушав доклад А. Гоца о переговорах с Временным правительством, Центральный Комитет ПСР 24 сентября семью голосами при семи воздержавшихся согласился, что «Авксентьев, Гоц и Руднев выполнили поручение, данное им Демократическим Совещанием».

С этого времени пишущий эти строки систематически отходит как от работы в Предпарламенте, который считает учреждением безвластным и ненужным, так и в самом Ц. К., где предоставляет новому большинству без помехи проводить свой «новый курс», неся всецело ответственность за него и за его результаты перед партией. 2-го октября я получил месячный отпуск «для объезда России» и непосредственного общения с массами, от которых, на мой взгляд, Ц. К. совершенно оторвался.

В эти дни на меня частным порядком было оказано большое давление с целью склонить меня отложить свой отъезд, по крайней мере до сакраментального дня 22 октября, когда весь Петербург ждал попытки большевиков захватить власть. Мне указывали, что мой отъезд почти накануне этого дня будет понят как несолидарность с противящимися перевороту антибольшевистскими силами. Скрепя сердце я согласился отложить отъезд, но с тем, что это будет последний раз. 22-е октября прошло мирно. Создалось впечатление, что большевики будут дожидаться если не Учредительного собрания, то по крайней мере 2-го съезда Советов, на котором они, рассчитывая на сильную «левую сецессию» в рядах с. р. и с. д. меньшевиков, надеются получить большинство.

22-го вечером я покинул Петроград и после успешных выступлений в казармах войск Московского гарнизона поехал на съезд крестьянских секций Западного фронта в Минск, куда меня призывали партийные товарищи, опасавшиеся на

этом съезде «засилья» большевистских и союзных с ними элементов.

Через три дня после моего отъезда началось большевистское восстание.

Когда во второй половине ноября я вернулся в Петербург, я на вокзале был задержан для объяснений с Военно-Революционным Комитетом. После всех объяснений мне было заявлено, что я свободен и что самый акт приглашения объясниться с Военно-Революционным Комитетом, несмотря на присутствие вооруженного караула, не должен рассматриваться как арест.

Такова была обстановка, в которой произошел почти единовременно со 2-м Всероссийским Съездом Крестьянских Советов четвертый съезд Партии Социалистов-Революционеров (26 ноября – 5 декабря 1917 г., ст. ст.).

Главным предметом съезда было обсуждение вопроса «о текущем моменте и тактике партии», докладчиком по которому был я, давший, между прочим, сдержанную по форме, но категорическую по существу критику ошибок революционной демократии вообще и центрального партийного руководства в частности.

Против моих заключений выступали: В. Подвицкий, признавший, что коалиционная тактика действительно потерпела полное крушение, но что это крушение было, в сущности, крушением самой революции; В. Г. Архангельский, полагавший, что всё-таки без коалиции обойтись было невозможно

и что однородное правительство «единого трудового фронта» оказалось бы не сильнее, но даже еще слабее коалиционного; Фирсов-Розенблюм, смягчавший значение всех ошибок тактики тем, что течение революции со всеми ее слабостями и спадами было «фатально и неизбежно»; и, наконец, мой преемник по министерству земледелия, С. Л. Маслов, обвинявший всю революцию в антигосударственном, почти анархическом уклоне, констатировавший, что «революция сорвана», что выхода из тупика нет, все предлагаемые тактические планы безнадежны и неосуществимы и «будущее печально».

Что касается крайнего правого крыла партии – «воленародцев», – то от их имени выступали В. И. Лебедев и А. А. Аргунов. Первый заявил, что, по его мнению, правых вообще от центра теперь отделяет немногое. Центр во главу угла своей тактики ставил борьбу за мир, не отвергая обороны страны; правые – оборону страны, не отвергая борьбы за мир. В других вопросах, на его взгляд, особых разногласий нет. А теперь, когда большевиками армия совершенно разложена, все течения приведены к одному знаменателю, «всем» приходится думать только об одном: о скорейшем заключении мира. Поэтому «правые» хотят общей работы, а не распрей и расколов.

После прений были предложены три резолюции: докладчика (левоцентровая), Когана-Бернштейна (крайняя левая) и Архангельского (умеренно-правая). При голосовании, ка-

кую положить в основу обсуждения, за первую высказалось 99 голосов, за вторую 52 и за третью всего 8. После рассмотрения в комиссии поступивших поправок моя резолюция была принята 126 голосами против 7, при 13 воздержавшихся.

В резолюции этой указывалось, что в Учредительном собрании Партия Социалистов-Революционеров под контролем Центрального Комитета должна противопоставить большевистскому методу раздачи невыполнимых обещаний тактику серьёзного и глубокого законодательного творчества, чуждающегося оппортунистических компромиссов. На первую очередь при этом должны быть поставлены вопросы о мире, о земле, о контроле над производством и о переустройстве Российской Республики на федеративных началах, и вся социальная политика должна быть поставлена в связь с предстоящей задачей демобилизации промышленности и армии; партия обязана приложить всю свою энергию к сосредоточению вокруг охраны прав Учредительного собрания достаточных организованных сил, чтобы в случае надобности принять бой с преступным посягательством на верховную волю народа, откуда бы оно ни исходило и какими бы лозунгами ни прикрывалось. При этом партия должна постоянно иметь в виду необходимость быть готовой к отпору контрреволюционным попыткам, подготовляемым эксцессами большевистского режима.

Всё это прошло, несмотря на то что на 4-м съезде по-

чти не было прежнего крайнего левого крыла, а из партийных левых раскольников, руководимых Натансоном и Спиридоновой, имевших свою сепаратную всероссийскую конференцию, на общепартийный съезд удалось попасть только И. З. Штейнбергу и В. Трутовскому. Они огласили там резкую резолюцию, приглашавшую «всех подлинных революционеров» уйти со съезда. К ним присоединилось и покинуло съезд, однако, всего 7 делегатов.

Одновременно с общепартийным съездом заседал Всероссийский съезд Крестьянских Советов. Он был собран, однако, не Исполнительным Комитетом, избранным на предыдущем, первом всероссийском съезде, а некоей самочинной организацией. Исполнительный Комитет созвал по вопросу об организации Второго съезда чрезвычайную конференцию: конференция эта распалась на «правых» и «левых»; «левые», вставшие на точку зрения признания Октябрьского переворота и советской власти, принялись собственными силами, с устранением Исполнительного Комитета, собирать съезд. Фактическая сила, имевшаяся в руках Совета Народных Комиссаров, была на их стороне.

«Правым» ничего не оставалось, как протестовать и всё же идти на находящийся в чужих руках съезд, в расчете на то, что крестьяне – народ упорный и переломить себя никому не дадут. Расчет этот оправдался, но не вполне. В нем не была учтена возможность для «левого блока» (большевиков, левых эсеров, максималистов и анархистов) наводнить съезд

делегатами так называемых «крестьянских секций» фронта, тыловых гарнизонов, флота и т. д. 1-го декабря, накануне открытия съезда и при еще неполном его созыве, оказалось, что при 489 приехавших крестьянах-делегатах явилось 294 армейских депутата, часто с весьма сомнительными «полномочиями» (вплоть до анекдотического «полномочия» на поездку ради приобретения для окопов граммофона, тоже открывшего предъявителю двери заседаний съезда).

Сразу же обнаружилось, что солдатская часть съезда, благодарная большевикам за прекращение войны, валом валит к «левому», пробольшевистскому сектору, тогда как крестьяне в большинстве своем питают к большевикам органическое недоверие. Но так как крестьянам со всех концов России съехаться гораздо труднее и они тяжелее на подъем, чем спешащие покинуть фронт солдаты, то на первых заседаниях съезда перевес был у левого блока, хотя и небольшой.

При выборах временного президиума кандидатка большевиков и их союзников, левая эсерка Спиридонова прошла 269 голосами против 230, поданных за В. М. Чернова; при проверке голосования выходом в разные двери отчетливо сказалось преобладание среди «спиридоновцев» серых шинелей, и такое же преобладание среди «черновцов» мужицких поддевок. Но мужики продолжали прибывать, и соотношение сил изменяться. Когда на съезд прибыл «сам» председатель Совета Народных Комиссаров Ленин, поднялись крики, что съезд еще не решил вопроса, признает ли он Совет

Народных Комиссаров законной властью или нет, а потому выслушать председателя его не может.

Не будучи уверен в результате голосования и не желая идти на риск и в то же время сильно надеясь на воздействие ленинской речи, левый блок сделал уступку: Ленин взошел на кафедру и получил слово не как председатель Совнаркома, а как представитель большевистской фракции съезда. Всячески стараясь выставить Совет Народных Комиссаров истинно народным, демократическим правительством, Ленин неосторожно заявил, что, не в пример безответственному Временному правительству, Совнарком отчитывается перед Советами и, если советский съезд, вроде происходящего, вынесет ему вотум недоверия, он уйдет в отставку.

Этим промахом я поспешил воспользоваться и в ответной речи пригласил крестьян принять вызов Ленина и показать ему, много ли доверия имеют они к захватнической власти: фракция социалистов-революционеров дает для этого случай, внося соответственную резолюцию против Совета Народных Комиссаров и за Учредительное собрание.

Действительно, депутатом-солдатом тотчас же была внесена от имени эсеровской фракции такая резолюция, и она прошла большинством 360 голосов против 321. «Левая» часть съезда пришла в крайнее возбуждение: ее вождя только что «поймали на слове», и теперь, если держаться за власть, нужно было отступить от только что данного слова, а если сдержать слово, нужно было отступить от власти. Боль-

шевики, разумеется, предпочли первое.

В это самое время в рабоче-солдатском Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете резолюция, одобряющая действия Совета Народных Комиссаров, прошла всего лишь 150 голосами против 104, при 22 воздержавшихся. Но во ВЦИКе отсутствовали представители эсеро-меньшевистского блока, демонстративно удалившегося с 2-го рабоче-солдатского съезда и бойкотировавшего ВЦИК. Если бы не это, Совнарком мог бы получить вотум недоверия разом в «обоих палатах» Советского государства. Теперь же можно было опираться на одну из двух против другой: на рабоче-солдатскую против крестьянской.

Как бы то ни было, но взволнованные неожиданным провалом на крестьянском съезде большевики попробовали на следующий день поправить свои дела, пустив в ход фейерверочное красноречие Л. Троцкого.

На их беду, появление Троцкого перед крестьянами совпало с опубликованием в газетах одной речи, где он грозил всем врагам советской власти «изобретенной еще во время Великой французской революции машиной, укорачивающей человека ровно на длину головы».

Под свежим впечатлением этой речи, увидев ее автора на трибуне, половина залы внезапно и стихийно разразилась бурей негодования. Троцкий, бледный, как полотно, покинул трибуну под сплошной гул возгласов: «насильник, палач, кровавый убийца». Президиум, будучи не в силах справить-

ся с этим взрывом массового гнева, не нашел другого выхода, как удалиться вместе с Троцким и «левой» частью съезда в особую залу, где Троцкий и прочел свой доклад.

Таким образом, съезд распался на две части; их пробовали потом несколько раз соединять, но они немедленно, иногда по самому незначительному поводу, приводившему к бурным схваткам и хаосу, снова распадались. Между тем крестьяне-делегаты из дальних губерний продолжали приезжать и немедленно присоединяли свои подписи к резолюции в пользу Учредительного собрания и против Совнаркома. Но съезду еще предстояло произвести выборы постоянного президиума вместо временного, и перевыборы Спиридоновой становились всё более и более проблематичными.

Нервность обеих сторон росла. Наконец, по поводу одного из сравнительно малозначительных инцидентов Спиридонова неожиданно заявила, что президиум слагает свои полномочия. Этим единый съезд и был оборван. Около половины делегатов, возглавляемые Спиридоновой, двинулись торжественной процессией прямо в Смольный, где им был оказан президиумом ВЦИКа и Совнаркомом не менее торжественный прием: символически демонстрировалось «рабоче-крестьянско-солдатское единение». Другая, большая часть удалилась в старое помещение Крестьянского ВЦИКа, откуда она некоторое время спустя и была выдворена специальным отрядом красногвардейцев. В то же время по всей России прокатилась волна репрессий против крестьянских съездов

и советов, которые не давали большевистским властям прибрать себя к рукам.

Ц. К., избранный на четвертом съезде ПСР, избрал линию поведения, равно далекую и от «правого» активизма, и от «правого» пессимизма. Вместо заговорщически-террористических действий он посылал людей партии в массы. Зная, что если большевизм захватил власть путем солдатского пронунциаменто, то удерживает ее он всё-таки и сочувствием доведенных до точки революционного кипения рабочих, Ц. К. с.р-ов главным средством борьбы против большевиков избрал именно обратное отвоевание массовых рабочих симпатий. Он развивал лихорадочную агитацию за отзыв фабриками и заводами тех своих депутатов в Совете, которые голосовали за дикие и жестокие акты диктатуры. И его агитация имела успех. Всё чаще и чаще такие депутаты отзывались и производились перевыборы депутатов. Дело дошло до того, что большевики стали серьёзно опасаться за свое господство в Петербургском Совете. Чтобы остановить таяние своего большинства, они вынуждены были пойти на крайнюю меру: на запрет досрочного отзыва и частичных перевыборов, – под тем предлогом, что в скором времени они готовят всеобщие и единовременные перевыборы Петербургского Совета.

Отсюда возникла новая форма движения, история которого еще ждет своего исследователя и бытописателя. Новый эсеровский Центральный Комитет пришел к соглашению с

социал-демократами меньшевиками о направлении избирательной кампании в несколько иное русло. Если Петроградский Совет запретил досрочный отзыв и перевыборы своих депутатов, то можно призвать фабрики и заводы избирать представителей на особую чрезвычайную «рабочую конференцию», «собрание уполномоченных от фабрик и заводов». Таким образом создалось учреждение, фактически параллельное Совету, но имеющее значительно больший моральный авторитет ввиду свежести его полномочий, в отличие от устаревших, искусственно сохраняемых и вообще сильно «подмоченных» полномочий Совета.

Рабочая конференция приковала к себе внимание всего рабочего Петрограда. Фабрики и заводы один за другим присоединялись к ней и избирали в нее своих представителей. Она превращалась в самый оживленный «рабочий парламент».

Ей шла на руку тактика большевиков – преподносить Совету готовые партийные решения или даже просто ставить его перед совершившимся фактом, гильотинировать дебаты и в «скорострельном» порядке получать на все свои действия санкцию задним числом. Рабочая конференция подвергла подробному обсуждению и критике с социалистической точки зрения основания декретов Совета Народных Комиссаров и в противовес им разрабатывала позитивную программу социальных реформ, свободную от необузданного экспериментаторства и утопизма. Обсуждала она и международную

политику большевистской диктатуры с ее попыткой «выскочить из войны» путем сепаратного мира, который, согласно ее уверениям, должен, однако, оказаться миром вполне демократическим, справедливым и потому равно почетным для обоих сторон. Свою программу рабочая конференция предполагала передать, в качестве петиции, Учредительному собранию, права которого на полноту власти она отстаивала безоговорочно.

Глава двадцать вторая

Учредительное собрание. – Заговор против народной воли. – Страшная ночь.

7-го октября 1917 года большевистская фракция «Предпарламента» демонстративно вышла из него в полном составе, в знак возмущения и протеста. В отсутствие перешедшего на нелегальное положение Ленина ее возглавлял Троцкий. В оглашенной ими декларации большевики шумно возвещали стране: «Буржуазные классы, направляющие политику Временного правительства, поставили себе целью сорвать Учредительное собрание!»

Сенсация Троцкого – Ленина при помощи их партийной прессы, авторитетных деклараций их Центрального Комитета и страстных речей бесчисленных ораторов-демагогов облетела всю страну. Полтора месяца, с завидным постоянством и гипнотическою силою фанатически исступленного упорства, в головы масс вбивалось страшное подозрение: народ и страна обмануты, Учредительному собранию уготованы Временным правительством похороны по первому разряду.

Удачно придуманный маневр сослужил свою службу. Власть оказалась в руках большевистской верхушки, диктаторски распоряжавшейся своей партией, но за это обучавшей ее столь же диктаторски распоряжаться всею Россией.

Как же, однако, быть с требованием «немедленного созыва Учредительного собрания»?

Протоколы Ц. К. большевиков того времени долго – десятилетия – хранились втайне. Они были преданы гласности Госиздатом лишь в 1929 году. Лишь из них мы официально узнали, с чего начал Ленин подкоп под учредительное Собрание; узнали и его знаменитую фразу: «Ждать Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, – бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу!»

В воспоминаниях Л. Троцкого о той эпохе («Правда» от 9-го апреля 1924 г.) читаем:

«В первые же дни, если не часы, после переворота Ленин поставил вопрос об Учредительном собрании. – «Надо отсрочить», – предложил он. – «Надо отсрочить выборы. Надо расширить избирательные права, дав их восемнадцатилетним. Надо дать возможность обновить избирательные списки: наши собственные списки никуда не годятся»… Ему возражали: неудобно сейчас отсрочивать, это будет понято как ликвидация Учредительного собрания, тем более что мы сами обвиняли Временное правительство в оттягивании Учредительного собрания. Ленин со своей позицией остался одиноким. Он недовольно поматывал головою и повторял: «Ошибка, явная ошибка, которая нам может дорого обойтись».

Отсрочивать выборы, производство которых уже шло и первые результаты которых уже публиковались, было позд-

но.

«Комиссаром» над комиссией по выборам в Учредительное собрание был назначен известный большевистский центровик Урицкий. Он делал Ц. К-ту специальный доклад по поводу поражения большевистского списка среди сугубо пролетарского уральского района. Доклад этот, конечно, секретный, – цитирован в «Собрании Сочинений» Л. Д. Троцкого, т. 3-й, часть 2-я, стр. 364–365:

«Урал не оправдал наших ожиданий. В местах, отдаленных от центров революционной работы, Учредительное собрание пользуется большой популярностью. Этим именем заставляют нас держаться выжидательной тактики… Созовем ли мы Учредительное собрание? – Да, созовем. – Разгоним? – Да, может быть; всё зависит от обстоятельств».

Назначение комендантом Таврического дворца человека, чей доклад был отличной иллюстрацией его чувств к «хозяину земли русской Учредительному собранию» (как его в то время всё еще пышно именовали в прокламациях Ц. К. его партии), уже само по себе было символично.

С этим «хозяином», ради которого на словах и совершали весь переворот и захват власти – на деле ж сговаривались секретно поступить «в зависимости от обстоятельств» так или иначе, но с одинаковым конечным результатом. «Выяснилось тем временем, что мы будем в меньшинстве даже с левыми эсерами»… – «Надо, конечно, разогнать Учредительное собрание, – говорил Ленин, – но вот как насчет ле-

вых эсеров?» «Нас, однако, очень утешил старик Натансон. Он зашел к нам «посоветоваться» и с первых же слов сказал: «А ведь придется, пожалуй, разогнать Учредительное собрание силой». – «Браво! – воскликнул Ленин. – А пойдут ли на это ваши?» – «У нас некоторые колеблются, но я думаю, что, в конце концов, согласятся, – ответил Натансон». («Правда», № 91, 20 апр. 1924 г.)

В те времена пишущему эти строки не раз приходилось вызывать «левых с. р-ов» и Натансона лично на публичное объяснение.

– Вы сбрасываете с себя узы партийной солидарности и дисциплины, вы взрываете партию изнутри, – говорил я им, – помните же: образовав отдельную партию, вы не сохраните и ее единства, вы и ее взорвете изнутри. Вы помогаете большевикам диктаторски расправляться с другими партиями: придет и ваша очередь, большевистский террор обрушится и на вас. Когда-нибудь вы опомнитесь, но будет слишком поздно. Дело, которое вы начинаете, история назовет вашим политическим самоубийством…

Натансон такого публичного объяснения не принял ни разу. Но для большевиков вопрос уже был предрешен. Оставалось закончить кое-какие формальности.

26 декабря Ленин опубликовал свои «тезисы об Учредительном собрании». В них народные избранники предупреждались, что «Учредительное собрание, если бы оно разошлось с советской властью, было бы неминуемо осуждено

на политическую смерть». И «единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса» объявлялась полная капитуляция и «безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании советской власти, советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и рабочем контроле» и т. д. Иными словами, все проблемы, для решения которых Учредительное собрание собиралось, уже решены до Учредительного собрания и без Учредительного собрания.

И вот пришла пора открывать его. Для того чтобы быть готовым ко всем возможным неожиданностям в этой последней встрече с побежденными, но не покорившимися противниками, Ленин облек чрезвычайными полномочиями лично преданного ему Вл. Бонч-Бруевича. Пробольшевистская, но позволявшая себе некоторую фронду «Новая Жизнь» Максима Горького в те дни сообщала, что «во все комиссариаты были вытребованы усиленные наряды красноармейцев. Везде установлены ночные дежурства. До 5-ти часов утра в Смольном и комиссариатах не смыкали глаз»; а членам мирных делегаций Германии, Австрии, Болгарии и Турции Совнарком еще ранее предложил перебраться на 5-е января в какие-нибудь «более безопасные помещения».

Ко дню открытия Учредительного собрания готовились обе стороны. Ленин, отличный практик-стратег, не смущался тем, что и под ливнем самых соблазнительных декретов страна устояла и ответила ему вотумом недоверия, послав в Учредительное собрание абсолютное большинство социа-

листов-революционеров.

Из удачного октябрьского опыта он знал, что всего существеннее – иметь большинство в решающий момент в решающем участке войны. И, подтянув для верности в Петроград еще своих надежных латышей, он составлял диспозицию уличного столкновения. Мы знали, что большевики в Питере – полные господа положения, но не теряли надежды. На фабриках и заводах шел процесс отрезвления и разочарования в Совнаркоме. Мы могли рассчитывать на многочисленные колонны демонстрантов из всех рабочих районов к Таврическому дворцу для приветствования Учредительного собрания.

Если их пустят, мы будем окружены живою стеной от всякой попытки разгона. Если не пустят, если будут разгонять вооруженной силой, если прольется кровь безоружных – потерпят ли это самые крепкие революционные воинские части, первыми выступившие против царя в феврале!

Преображенцы и семеновцы приняли резолюции в пользу Учредительного собрания. Они не хотели верить в возможность его разгрома – ведь большевики в оправдание Октябрьского переворота говорили, что без него буржуазия сорвала бы созыв Учредительного собрания. Но на случай насильственных мер против народных избранников они соглашались пойти на его защиту, особенно если будут поддержаны броневым дивизионом, тоже неоднократно высказавшимся за Учредительное собрание. Эту верность свою бро-

невой дивизион собирался продемонстрировать в день его открытия. Первым этапом его маршрута намечались казармы Преображенского и Семеновского полков: они должны были подойти к Таврическому дворцу с одной стороны – с других сторон предполагались рабочие демонстрации невооруженные.

Мы знали, что физическая сила в Петрограде на стороне большевиков, но результат выборов показал, что гуща страны за нами. Мы не хотели в Петрограде ни в коем случае подавать повода к вооруженному столкновению. Надо было морально обезоружить хотя часть находящихся в распоряжении большевиков. Для этого мы пропагандировали демонстрацию гражданского населения абсолютно безоружную, против которой было бы нелегко употреблять грубую силу. Всё, на наш взгляд, зависело от того, чтобы не дать большевикам и тени морального оправдания для перехода к кровопролитию. Только в этом случае, думали мы, могут поколебаться даже самые решительные их защитники и проникнуться решительностью самые нерешительные наши друзья…

День открытия Учредительного собрания был назначен еще Временным правительством. День открытия Учредительного собрания должен был разрешить судьбу его. Вынести всю тяжесть на своих плечах предстояло нашей партии, за которую на выборах высказалось абсолютное большинство народа. Именно ее депутатам приходилось, чем

бы это для них ни кончилось, попытаться быть полновластным Учредительным собранием. Но в обеих столицах приказов овладевшей властью диктаторствующей партии беспрекословно слушалось громадное большинство тыловых гарнизонов, а по численности голосовавших на выборах она вышла на первое место. Физическая сила была не за нас. Открыв для нас двери Таврического дворца, власть имела возможность превратить его в простую мышеловку. Никаких иллюзий на этот счет у нас не было. Петербург не с нами.

Но с нами толща страны. За большевиков высказалось не более четверти избирателей – свыше 9-ти миллионов голосов из общего числа поданных 36 с четвертью миллионов голосов, тогда как за партию социалистов-революционеров – 21 миллион, т. е. 58 %.

И вот 5-го января, собравшись неподалеку от Таврического дворца, мы идем туда, к назначенному полуденному часу, основною массою приблизительно человек в двести. Литейный проспект пустынен. Но дворы по обоим сторонам живут своей настороженной боевой жизнью. Время от времени оттуда, как из-под земли, вырастают вооруженные патрули: раздаются вызывающие возгласы: кто идет? «Учредителей» всё же мрачно пропускают. Подходим к Таврическому дворцу. Площадка перед самым дворцом загромождена легкими орудиями, пулеметами и «боеприпасами» – для наступательных действий или для выдерживания осады? Свободен один узкий боковой вход: туда впускают по одному, по-

сле проверки билетов, и некоторым задается вопрос, нет ли с собой оружия?..

Зато внутри в вестибюле и коридорах всюду вооруженная стража. Картина настоящего военного лагеря. Но это не военный лагерь дисциплинированной армии, готовящейся к бою. Это – оккупанты, грубые и развязные. Пока еще ни к кому прямо не обращаясь и обмениваясь впечатлениями между собою, они бросают в пространство фразы: «вот того хорошо бы в бок штыком», «а этому пули не избежать», и «по том вон пуля плачет». У нас заранее твердое решение: ни в какие пререкания со стражей не вступать.

Входим в большую залу заседаний.

Она пустынна. Нет ни единого большевика и ни единого из их левоэсеровских союзников. Те и другие уединились в своих фракционных комнатах. К общему заседанию они еще не готовы. Фактически они действуют как единый блок. Но договорные условия еще далеко не выработаны. В полдень должно было состояться открытие Собрания: но большевики и их союзники всё еще продолжают совещаться. После полудня проходит час: не готовы. Истекает второй час: то же самое. Идет третий, четвертый… Начать без них? Рискуем не набрать кворума. От дальнейшего хода торгов и переторжек мы не ждем ничего.

Единственно, чего еще раньше «левым эсерам» удалось достичь, – это разрешения Учредительному собранию открыться. Но Совет Народных Комиссаров своих правомочий

в его руки не передает. Разыграется поединок двух независимых держав. Одной, опирающейся на штыки, пулеметы и орудия, другой – опирающейся на право говорить от имени многомиллионного русского народа. Если невооруженная держава не капитулирует сама перед вооруженной, спор будет решен силой.

Большевики вместе с их спутниками чего-то еще ждут. Чего? Известий извне. Между двухфракционным блоком и столичной «улицей» идет нервный обмен гонцами. Параллельно такой же напряженный обмен идет и у нас. Наши вести благоприятных перспектив не открывают.

Расположенный в Петербурге броневой дивизион сохранял верность Учредительному собранию. Эту верность свою он собирался продемонстрировать в день его открытия. Первым этапом его маршрута намечались казармы Преображенского и Семеновского полков. На их митингах неизменно проходили резолюции: Вся власть Учредительному собранию! Эта возможность какой-то консолидации сил, сочувствующих установлению подлинного народовластия, казалось, открыла бы Учредительному собранию перспективы; во всяком случае «разгонные» настроения большевиков могли бы, пожалуй, быть серьёзно сдержаны. Однако самые последние вести ни к каким иллюзиям не располагали. Большевики оказались хорошо подготовлены ко всем случайностям.

В ночь под открытие Учредительного собрания организо-

ванные большевиками рабочие ремонтных мастерских сделали порученное им дело. Путем умелого «технического саботажа» броневые машины были превращены в неподвижные, точно параличом разбитые груды железа.

Удручающие вести приходили с маршрутов движения из разных частей города. Всюду колонны демонстрантов наталкивались на вооруженные заставы и засады. Безоружность толпы только придает духу «верным стражам советской власти». Если толпа не дает себя сразу разогнать, в нее стреляют из винтовок, стреляют из пулеметов…

Были случаи: толпа, обстреливаемая из пулеметов, ложится на землю, – переждав таканье пулеметов, после чьего-нибудь призывного возгласа, вновь подымается и бросается вперед – и снова ложится – и опять встает, оставляя на месте раненых и убитых. И еще вести: всё мрачнее и мрачнее: при разгоне одной колонны – со Шлиссельбургского тракта – полегло много обуховских рабочих. В другом месте среди убитых известная нам всем эсерка Горбачевская, дочь революционера и внучка декабриста. В третьем – запоздавший на открытие Учредительного собрания и пришедший вместе с демонстрантами крестьян-депутатов. По всем больницам и по многим частным домам разнесены раненые. Ни одна из колонн демонстрантов не может пробраться к Учредительному собранию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.